

Елена ФРУМИНА-СИТНИКОВА

МАМА, НЕ ПЛАЧЬ, МЫ УБЬЁМ ТЕБЯ НЕ БОЛЬНО

*Посвящается всем старикам,
не сумевшим перешагнуть порог Дивного Нового мира.*

Рассказанное здесь основано на абсолютно реальных
и ставших будничными событиями, происходящих не только в Канаде,
но и в большинстве так называемых развитых стран.
Все имена изменены, все совпадения, разумеется, случайны

*****

— Алло, это миссис Джонсон? Здравствуйте. How are you?¹

— Да, это я. How are you?²

— Thanks, I'm great.³ Я звоню вам из дома «Золотой возраст». Старший менеджер. Меня зовут Энн. Это по поводу вашей матери, миссис Тэйлор.

— О! А что с моей матерью?

— Не волнуйтесь, с ней всё в порядке. Чувствует себя нормально. Аппетит хороший. Стул тоже. Но, как бы вам сказать, она не хочет жить. Сегодня написала заявление на эвтаназию. Вот я решила с вами об этом поговорить.

— Как — эвтаназия? Мы с ней общались два дня назад. Она ничего об этом не говорила.

— Ну вот видите, так бывает. Человек вынашивает какую-то идею. А потом уже её озвучивает. Миссис Джонсон, я думаю, вам следует поговорить с вашей матерью. Мы не хотим совершить ошибку. Мы должны быть уверены, что клиент действительно этого хочет. Чтобы потом нас не обвинили. Знаете, в наши дни все стремятся судить друг друга, а судебные иски нам вовсе не нужны.

— О да, я понимаю вас, Энн. А как мать объясняла своё решение?

— Она сказала, что чувствует себя очень одинокой. Это, конечно, объяснимо. После первого карантина у нас несколько клиентов попросили об эвтаназии. По закону мы не имеем права их отговаривать. Это будет считаться вторжением в личное пространство. Да, так вот, ваша мать сказала, что второй карантин она не выдержит. Она, знаете ли, очень общительная леди. Несмотря на свои девяносто четыре года. До наступления пандемии она была у нас тут центром внимания. Вокруг неё всегда собирались люди. Вечно она что-то придумывала. То книги обсуждали, то рецептами булочек делились. Вместе смотрели шоу в телевизионной комнате. Другие были времена. Мы даже шутили, что зачислим её в штат. Ну а сейчас всё изменилось, как вы знаете. Страшный вирус вынудил нас изолировать наших клиентов друг от друга. Естественно, они чувствуют дискомфорт. Между нами, она у нас не одна такая. Мы получаем довольно много подобных просьб последнее время. В общем, оставляю вас с этой проблемой. Поговорите с матерью. Дайте знать о результатах. Благополучие и

¹ Как поживаете? (англ.)

² Как дела? (англ.)

³ Спасибо, все отлично (англ.).

здоровье наших дорогих клиентов для нас — самое главное. Всего доброго. Talk to you later.¹

- Алло, Дженифер? Это Мэрион. Как дела?
- Привет, Мэрион. Сто лет тебя не слышала. Все в порядке.
- Звоню тебе по поводу нашей матери.
- Ну что опять с ней не так?
- Она написала заявление об эвтаназии.
- Но почему? Её что, плохо кормят? Или недостаточно хорошо за ней ухаживают?
- Она говорит, что ей одиноко.
- Вечно она что-то выдумывает! Ведь знает же, что посещения запрещены. Нет от неё покоя.

— Я тут подумала. А может, возьмём её из этого дома? Как-то всё-таки тяжело всё это. Ведь мать всё-таки.

— Ну куда я её возьму? Я знаю, ты думаешь, раз мы живём в собственном доме, то у нас тут полно места. А у нас всё рассчитано. Одна спальня моя, другая мужа, в третьей его кабинет. Ты знаешь, что ему необходим кабинет, там он сидит за компьютером. Это его личное пространство. Куда мне её положить? Не в гостиной же. Ей там будет неудобно. На первом этаже и ванны нет. Как она будет карабкаться по лестнице? Нет, это будет для неё мучительно. Да и мы уже не молодые. Мне скоро семьдесят. Всю жизнь работали, платили налоги. Хочется покоя. Кажется, мы его заслужили. А может, ты ее к себе возьмёшь? У тебя две спальни. Ты одна.

— Ну о чем ты говоришь? Вторая спальня у меня для дочки, если она вдруг приедет. Места свободного у меня нет.

— Насколько я знаю, твоя дочь с тобой не общается уже несколько лет. Что-то изменилось? Впрочем, это не моё дело. Ну не знаю тогда. Ведь мать сама так решила? Значит, ей так лучше. Она понимает, что взять её мы не можем.

— Насчёт моих отношений с дочерью, это и вправду не твоё дело. А насчёт матери ты, пожалуй, права. Сейчас позвоню ей. Узнаю, что за блажь.

— Перезвони мне тогда.

— Алло, мама? Как у тебя дела? Мама, ты почему молчишь?

— Привет, Мэрион. Все нормально. Почти.

— Мама, мне звонили из вашего «Золотого возраста» и сказали, что ты в депрессии. Сказали, что ты не хочешь жить. Ты же понимаешь, что мы ничего не можем сделать. Это пандемия. Человечество в опасности. Надо как-то стараться понять других людей, не только себя. Извини, что так говорю, но это ребячество какое-то.

— Дочка, я ведь ничего и не прошу. Просто очень тоскливо. Так захотелось вас увидеть. И внуков, и маленькую Шейлу. Я всё время одна. Соседки по комнате куда-то исчезли. Я думаю, они умерли, но мне об этом не говорят. Со мной вообще никто не разговаривает. Ко мне в комнату заходит три раза в день человек в скафандре. Приносит мне еду. Близо не подходит. Потом уходит и запирает дверь.

— Мама, но ты должна понимать, что это для твоего же блага. Просто они не хотят, чтобы ты заразилась и умерла. Это страшный, страшный вирус.

— Дочка, я понимаю. Но я так больше не могу. Это продолжается уже почти год. Я не могу больше. Все это время я не видела ни одного человеческого лица, не была на улице. Не хочу больше, дочка. Хочу уйти. Устала. Хочу к вашему отцу. Он давно ждёт меня.

— Мама, мне сейчас надо идти. И я должна подумать. Перезвоню тебе.

— Дженифер, алло! Я тут подумала, давай возьмём её из дома на неделю. Пусть будет у неё последняя неделя в кругу семьи. Ну всё-таки как-то хочется скрасить.

— Хорошо, Мэрион. Давай попробуем.

— Алло, Энн? Можем ли мы взять мать на неделю домой? Пусть проведёт время с семьей.

— Ну не знаю, миссис Джонсон. Это нарушение правил. Мы изо всех сил боремся за жизнь и здоровье наших клиентов. Создаём им безопасную среду. Блокируем по возможности все контакты с внешним миром, чтобы не заразить их коронавирусом. Я должна поговорить с боссом. Я понимаю, мать всё-таки, но сама принять такое решение я не могу.

— Пожалуйста, Энн, поговорите с боссом и дайте мне знать.

¹ Поговорим позже (англ.).

— Алло, миссис Джонсон? Это Энн из «Золотого возраста». Мы решили ради вас нарушить правила и позволить вам забрать вашу маму на последнюю неделю домой.

— О, Энн, спасибо! Вы очень добры. Как же повезло вашим клиентам иметь такого заботливого менеджера.

— Спасибо, миссис Джонсон. Мы стараемся делать для наших дорогих клиентов всё, что в наших силах. Итак, когда вам удобно? Через пару дней?

— Да, дорогая. Через пару дней — очень удобно.

— Только не забудьте сделать тест на Ковид. Это очень важно. Вы же не хотите заразить вашу маму.

— О да. Я понимаю. Сделаем обязательно. И я, и сестра.

— Спасибо за понимание. И захватите с собой справки о тестах, пожалуйста.

— Да, обязательно. Всего доброго. До встречи.

— Алло, Дженифер! Это Мэрион. Я обо всем договорилась. Нам отдают маму на неделю. Но мы должны сдать тест. И не капризничай, пожалуйста.

— О, ещё и тест! Ну ладно, я понимаю. Сделаю. А Ричарду не надо? Он не захочет.

— Думаю, что и Ричард должен сдать. Я решила, что мама будет жить у меня всю неделю. А вы будете приходить, и мы все вместе будем проводить тихие семейные вечера. Можно играть в карты или рассматривать фотографии.

— Не думаю, что Ричард будет в восторге. Ты знаешь, как он относится ко всем этим семейным встречам. Кроме того, он очень боится заразиться. Но попробую уговорить. Всего неделя. Потерпит.

— Хорошо, дорогая, договорились. Послезавтра я её заберу и позвоню тебе. Надо бы устроить праздничный обед. Что-нибудь скромное. Можете купить жареную курицу и несколько салатов? В «Costco»¹ недорого. Я половину денег отдам. За себя и за мать.

— Ах, боже мой, о чем ты говоришь? Какие деньги? Такие мелочи! Обсудим это завтра.

— Тогда до встречи.

— Бай.

В назначенный день и час Мэрион подъехала к дому престарелых «Золотой возраст». Она волновалась. Как-то состоится их первая за долгое время встреча с матерью? Ведь они не виделись уже почти год. Припарковавшись недалеко от входа, она с трудом вытащила грузное тело с водительского сиденья и тут же попала правой кроссовкой в лужу. Подумала, что промочит ноги, а заболеть ей сейчас нельзя. Впереди прощальная неделя с матерью.

Обходя подтаявшие сугробы, двинулась к распахнувшейся двери, откуда вскоре показался крепкий санитар, толкающий перед собой инвалидное кресло, в котором сидела хрупкая крошечная старушка в мешковатой длинной куртке. На голове у неё была надетая набекрень вязаная шапка, из-под которой выбивались седые волосы, на ногах кажущиеся слишком большими кроссовки. Глаза у старушки были испуганные, она тревожно оглядывалась, словно не узнавая эти сугробы, это серое здание, тоненькие деревья вдоль забора. И даже сам воздух, кажется, тоже был незнакомым. Нижнюю часть её лица прикрывала медицинская голубая маска. Увидев дочь, она заулыбалась глазами и заторопилась всем телом ей навстречу, да так энергично, что чуть не выпала из каталки. Но бдительный санитар придержал её за плечо. Глаза его над маской были суровы.

У Мэрион ёкнуло сердце. Она быстро шагнула навстречу, улыбаясь, но санитар остановил её жестом и строго спросил: «А где же ваша маска?»

Ах да, маска! Она достала из кармана слегка потертую такую же голубую маску и, зацепив её за уши, тут же почувствовала свою полную здесь уместность.

Санитар помог посадить старушку на пассажирское сиденье и положил ей на колени целлофановый пакет. Поймав вопросительный взгляд дочери, он объяснил, что там кое-какие личные вещи миссис Тэйлор: зубная щетка, ночная рубашка, домашние тапочки. Таблетки с инструкцией. Перед тем, как захлопнуть дверцу машины, он окликнул Дженифер: «Ждём вас ровно через неделю. Желаю хорошо провести время», — и помахал рукой на прощанье. В зеркало заднего вида Мэрион видела, как он тяжелой походкой вернулся в открытую дверь и плотно прикрыл ее за собой.

Ехать было недалеко. Всю дорогу мать молчала, только смотрела по сторонам широко открытыми глазами. Почти в самом конце пути она положила свою худенькую высохшую ладошку на полную руку дочери и прошепелестала: «Спасибо, дочь!».

¹ Сеть супермаркетов в Канаде

Пока Мэрион парковала машину, пока они поднимались на лифте и потом долго шли по длинному коридору до квартиры, пока дочь открывала дверь, мать не проронила ни слова. Только улыбалась растерянно.

Снимая с матери куртку, развязывая шнурки на кроссовках, помогая надеть ей тапочки, Мэрион чувствовала странность и даже некоторую ирреальность того, что происходит. На ногах у матери оказались детские носочки с весёлыми кошачьими мордочками. Откуда все эти вещи, в которые одета мать, она не знала. Вещи были незнакомыми, вероятно, принадлежащими каким-то другим пациентам из дома престарелых. А веселые котики на носках почему-то вызвали желание заплакать.

Но плакать было нельзя. Надо сделать эту неделю для мамы радостной.

Неделя и вправду получилась отменной. В первый же день, ближе к вечеру, пришла Дженифер с мужем. Они ели жареную курицу, купленную в магазине недалеко от дома, выпили немного вина, которое принёс Ричард.

— Мама, я положу тебе кусочек куриной грудки.

— А можно мне ножку?

— Не стоит, мама. Грудка полезнее. В твоём возрасте надо следить за диетой. А капля красного вина, я думаю, тебе не помешает.

— Спасибо, Мэрион. Очень вкусно. Сто лет не ела домашней еды. Дженифер, ты очень вкусно готовишь.

Потом они сидели вместе с мамой на диване и рассматривали альбом со старыми фотографиями. Вместе умилялись двум пухленьким малышам с бантами, в коротких платьицах и нарядных туфельках.

— Это ты, а это я. Какие мы тут смешные!

— А вот мама с папой. Красивая пара. Мама, ты у нас красавица!

С фотографии на них смотрели молодые мужчина и женщина. На ней было светлое платье с юбкой-клёш и затянутой в рюмочку талией, по моде конца пятидесятых. Глаза под волнистой светлой челкой сияли. Мужчина в элегантном темном костюме в тонкую полоску, с зачёсанными назад густыми волосами, казался воплощением надежной мужественности. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, его рука на её талии, и одинаково счастливыми глазами смотрели в камеру.

— Это мы с вашим отцом вскоре после свадьбы. Вас ещё и в проекте не было. А здесь я жду первенца. Мы тогда ещё не знали, что это будет Мэрион. Ваш отец тогда купил свой первый фотоаппарат и все время подкарауливал меня, чтобы сфотографировать. Я ругалась на него, он всегда заставлял меня врасплох. А он только смеялся и говорил, что я красива в любом виде.

— А здесь, видите, уже Дженифер появилась. Совсем маленькая, в коляске. Я тогда была очень, очень счастлива. А на этой фотографии две мои девочки. Одной уже пять лет, а второй только три. Красивые мои девочки! А здесь ваш первый велосипед. Вернее, это был велосипед Мэрион, она же старшая. А потом он достался Дженифер.

— Знаешь, мама, мне было очень обидно, что я всегда донашивала вещи за Мэрион. Мне казалось, что вы меня любите меньше, чем её. Честно говоря, я и сейчас так думаю. Это нанесло мне большую травму.

Подняв глаза от альбома, старая миссис Тэйлор взглянула на притихших дочерей и вздохнула. Перед ней сидели две пожилые женщины, седые, довольно полные, небрежно одетые во что-то серо-бурое, тёплое, просторное. Сегодня уже нельзя было сказать, кто из них старше. Сравнялись.

— Ах, не говори глупостей, Дженифер. Мы любили вас одинаково. Как же я счастлива, что вы у меня есть, мои дорогие девочки! Вы такие добрые и заботливые! Вы же не оставите меня в беде?

Это был неловкий момент, и все это почувствовали. Запнувшись, старая миссис Тэйлор внезапно замолчала и взглянула тревожно на дочерей, переводя взгляд с одного лица на другое. «Девочки» внезапно занялись каждая своими делами. Мэрион скрылась на кухне, а Дженифер, взглянув на часы, стала собираться домой.

Миссис Тэйлор, так и не встретив ничей взгляд, чтобы скрыть неловкость, опустила глаза в альбом. Старческая одинокая слеза выкатилась из глаза и упала на фотографию широко улыбающейся Мэрион на трёхколёсном велосипеде на фоне светлой кирпичной стены. Стены их первого собственного дома. Миссис Тэйлор поднесла сморщенную, с крупными старческими венами, похожую на птичью лапку, руку к глазам, чтобы незаметно вытереть так некстати выступившие слёзы.

— Ну что ты, мама! Не надо плакать. Всё у нас хорошо. У меня в доме не плачут, слышишь? Здесь только смех и радость. Сейчас ты выпьешь лекарство и пойдёшь спать. Плакать вредно, а тебе надо следить за здоровьем.

Прощались долго. Хмурый Ричард, уютно спавший в кресле под торшером, был разбужен и теперь топтался в прихожей, поглядывая на часы. Миссис Тэйлор всё обнимала то одну дочь, то другую, по-видимому не до конца понимая, в чьем доме она находится и не желая расставаться ни с одной из них.

Воспользовавшись суетой, Мэрион сунула в руку Дженифер десятидолларовую бумажку, тихо сказав: «Моя доля за обед». Дженифер посмотрела чуть смущенно, но, зажав деньги в кулак, сунула их в карман.

Наконец распрощались, пообещав, что завтра встретятся опять.

Но на завтра встреча не получилась. Дженифер позвонила и сказала, что Ричард неважно себя чувствует и она не хочет оставлять его одного.

Неделя пролетела быстро. Ещё два раза заезжала Дженифер, теперь уже одна. Несколько раз звонил внук — сын Мэрион. Заехать он так и не собрался, слишком занят на работе, да и заражать бабушку не хочет.

— Ты ведь знаешь, ба, какой страшный вирус сейчас бушует. А я, хоть и работаю из дома, но все равно выхожу в магазин. Я не хочу тебя заразить. Это очень, очень опасно. Я люблю тебя, ба.

— Роберт, мальчик, мне бы хоть посмотреть на тебя. Мы ведь больше года не виделись.

— Хорошо, ба, организуем видеоконференцию. Ну, пока. Береги себя.

В остальное время миссис Тэйлор сидела на диване и рассматривала фотографии. Пыталась смотреть телевизор, но быстро уставала от дерганных и громких шоу и частой рекламы, где абсолютно, стопроцентно счастливые люди предлагали что-то купить.

Ничего из того, что рекламировали, ее не интересовало. Ей не нужно было ровно ничего. Поэтому под мелькание фигур на экране, под беззвучно раскрытые рты она уходила в себя, в свои воспоминания, словно заново переживая долгие и почти всегда трудные годы своей жизни.

Вспоминала, как они с мужем работали. Он был сначала продавцом в местном продуктовом магазине, потом его повысили до менеджера. Она закончила курсы и устроилась на ресепшн в клинику. Как они снимали квартиру и мечтали о собственном доме, как наконец купили этот дом, взяв огромную ипотеку на тридцать лет. Как потеряли свой обожаемый дом, когда случился финансовый кризис и оба они лишились работы.

В общем-то после этого кризиса они так и не поднялись. Что-то лопнуло в их жизни. Муж стал болеть, ушёл на раннюю пенсию, так и не сумев заработать приличное содержание. Она одна ещё какое-то время тянула семью. Потом дочери выросли и сами стали зарабатывать, вышли замуж, родили своих детей. Но отношения их как-то разладились.

После смерти мужа она ещё какое-то время жила одна на съёмной квартире, а потом стала терять память и однажды, выйдя в магазин, не смогла найти свой дом. Кто-то, видя, как старая женщина беспомощно бродит по парковке возле магазина, вызвал полицию. В кармане у неё нашли телефон дочери. Вот так и доставили её домой.

После этого на семейном совете было решено отправить маму туда, где за ней будут присматривать и оказывать помощь.

Денег в семье не было, как-то не удалось накопить. Поэтому был выбран недорогой дом престарелых, куда переводилась мамина пенсия в виде оплаты.

Решение это устроило всех.

Мама присмотрена. Дочки её навещают. Несколько раз приходили даже внуки, совсем уже взрослые. А иногда даже приводили правнучку, чудесную белокурую девочку, которая любила разговаривать с прабабушкой и приносила ей свои игрушки в подарок.

Большинство игрушек со временем куда-то подевалось, но маленький красный медведь оказался бабушкиным любимцем.

Копеечный медведь с вышитой на животе надписью «I love you», каких под День Святого Валентина продают в каждом магазине и дарят вместе с открыткой партнёрам обоего пола, а после окончания праздника, как правило, выбрасывают как предмет, не имеющий ни художественной, ни сентиментальной ценности, так тронул старенькую миссис Тэйлор, что она сделала его спутником своей не очень богатой событиями жизни.

Она повсюду носила его с собой, а по ночам клала рядом.

Вот и сейчас красный медведь был посажен на диван рядом с миссис Тэйлор, и она ни на минуту о нем не забывала. Ей казалось, что он вместе с ней рассматривает фото-

графию и восхищается красивыми людьми на выцветших фото.

Неделя прошла быстро. Два раза заглянула Дженифер, посидела часик и ушла к своему Ричарду. Все остальное время они были вдвоём со старшей дочерью, которая была очень заботлива.

— Мама, тебе не дуёт?

— Нет, спасибо, дорогая.

— Мама, тебе удобно сидеть? Давай я подложу тебе подушку.

— Спасибо, Мэрион. Ты очень хорошая.

— Мама, вот твои таблетки. Не забудь их выпить.

— Мама, что я ещё могу для тебя сделать?

— ...Не отдавай меня обратно. А?

— Мама, мы же договорились не говорить об этом. Ты знаешь, что это невозможно.

По ночам миссис Тэйлор не спалось. Она тихонько вставала с кровати и, стараясь не разбудить дочь, выходила в гостиную. Но не разбудить не удавалось. Вечно она в темноте на что-то натыкалась и один раз даже упала, споткнувшись о ковёр.

Мэрион, немолодая и нездоровая женщина, не высыпалась и день ото дня чувствовала всё большее раздражение. Она тоже пила таблетки горстями, но давление все равно не снижалось. Она чувствовала себя разбитой и усталой и думала о том, как ловко её сестре Дженифер всегда удавалось уходить от неприятных обязанностей. Вот и сейчас все тяготы свалились на её плечи.

Ну ничего, скоро всё это кончится. Не забыть бы позвонить менеджеру.

— Алло, Энн? Я по поводу моей матери, миссис Тэйлор. Я немного волнуюсь, как все пройдёт.

— Мэрион, вам совершенно не о чем волноваться. Все будет на самом высоком уровне. Мы работаем с командой профессионалов. Вот только попрошу вас быть в нашем чудесном «Золотом возрасте» ровно в восемь утра. Постарайтесь не опаздывать. Дело в том, что специалисты, которых мы приглашаем, очень востребованы. Они не смогут ждать. У них очень жёсткий график на эти месяцы.

— Ну что вы, Энн. Я очень люблю точность и никогда не опаздываю. Можете быть уверены, мы будем вовремя. Спасибо, вы меня очень успокоили. Уверена, что все пройдёт хорошо и достойно.

— Да, Мэрион. Благополучие и спокойствие наших дорогих клиентов — наш приоритет. Мы работаем для вас и ваших близких.

Меж тем неделя неслась к концу.

В последнюю ночь миссис Тэйлор ушла спать рано. Подействовало снотворное, которое дала ей дочь, согласно присланной из дома престарелых инструкции. Однако, несмотря на таблетку, она проснулась среди ночи и больше не смогла уснуть. Она сидела на кровати и смотрела в темноту за окном.

Сначала на небе была луна. Потом луна скрылась и осталось несколько звёзд. Она выбрала одну из них, самую яркую, и стала смотреть на неё. Где-то, на самом краю неба, пролетел самолёт с мигающими огнями. «Кто-то куда-то летит, подумала миссис Тэйлор, а я больше никуда никогда не полечу. И больше ничего никогда не увижу».

Постепенно воздух за окном светлел и звезда растворилась в предзвездном небе. Где-то внизу под окном прочищала голос птица. Начала немного хрипло, а потом все увереннее защелкала и даже вывела первую утреннюю трель. «Эта птица будет жить. Она доживет до вечера», — подумала миссис Тэйлор.

В своей спальне зашевелилась Мэрион. Со стоном и кряхтением поднялась с постели и тяжелым шагом прошла в ванную. Миссис Тэйлор прислушивалась к каждому звуку, стараясь впитать в себя всё то, чем жизнь ещё может её одарить. Цвет, свет, звук, картинка с видом Нью-Йорка на стене, дверь с облупившейся краской, кровать со скомканным одеялом, светло-голубое, почти белое, небо за окном, которое постепенно становится розовым, звук проезжающих машин, рёв автобуса, отъезжающего от остановки — всё казалось ей прекрасным.

В спальню вошла дочь.

— Мама, вот, выпей эту таблетку. Это успокаивающее. А потом я помогу тебе одеться. Завтрака сегодня не будет. Нас предупредили, что в это утро есть нельзя. Ты же помнишь, какой у нас сегодня торжественный день.

Мать послушно запила таблетку водой из поданного дочерью стакана. Стакан стукнул о зубы — рука у матери дрожала.

— Не надо волноваться, мама. Всё будет хорошо. Ну, давай одеваться.

Она одевала её, как ребёнка. Сначала выцветшее бельё, потом тёплые байковые штаны, кофту, куртку, вязаную шапку. Мать пыталась дрожащими руками помогать, но только мешала. Дочери пришлось даже прикрикнуть на неё.

— Мама, сиди спокойно, я сама всё сделаю. Сейчас мы поедем, а там нас встретит Дженифер. Она тоже хочет попрощаться.

Когда они уже вышли из квартиры, мать всплеснула руками и кинулась обратно. Через минуту появилась со своим красным медведем в руках. Дочь смотрела с недоумением, но мать так крепко прижимала к груди своего медведя и в глазах её было такое отчаяние, что Мэрион не решилась ничего сказать. Она лишь вздохнула и, поддерживая мать, не спеша пошла по длинному коридору к лифту.

В машине обе молчали. Миссис Тэйлор не отрываясь смотрела в окно на проплывающие мимо прямоугольные дома, на прямые улицы, на редких прохожих, большинство из которых закрыли лица масками, на голые деревья, на незатейливые вывески. Она не знала, долго ли ещё ехать, но надеялась, что долго. Однообразный пейзаж за окном не утомлял её. Напротив, он казался ей прекрасным. Самым красивым, что ей пришлось увидеть за долгую, долгую жизнь, которая вдруг оказалась такой короткой.

Подъехали к массивному зданию, где помещался «Золотой возраст». У входа уже ждал санитар в маске и с инвалидным креслом наготове. Мэрион со вздохом достала из кармана две маски, надела себе и матери. Оглянувшись, увидела машину сестры.

Посадив миссис Тэйлор в кресло, процессия торжественно вошла в здание, миновала длинный коридор, украшенный плакатами, на которых хохочущие во все тридцать два зуба седые молоджавые люди обоего пола изображали стариков и демонстрировали полный восторг от жизни. На некоторых плакатах пожилые пары, взявшись за руки, шли по аллее среди высоких деревьев, на других бежали по берегу моря, на третьих сидели в окружении красивого веселого семейства.

Миссис Тэйлор, проезжая мимо ярких плакатов, подумала, что в её жизни так и не было ни одной из этих сцен. И по таким аллеям она с мужем не гуляла и море видела всего два раза в жизни, потому что всю жизнь пришлось тяжело работать и экономить каждую копейку, и среди семьи вот так они с мужем ни разу не сидели. Да и семья её совсем не похожа на эту, плакатную.

Поднявшись на лифте и изрядно попетляв по длинным коридорам среди плотно закрытых дверей (вирус, объяснил санитар), они подъехали к единственной открытой двери, за которой в комнате со светло-серыми стенами, возле белой кровати их ждали двое в белых антибактериальных костюмах и с наглухо закрытыми лицами. Сквозь защитные очки смотрели спокойные, равнодушные глаза. Около кровати стояла капельница с висящим на ней большим флаконом с жёлтой жидкостью.

Всё было готово.

Миссис Тэйлор села на кровать, один из белых, тот, что пониже ростом, ловко раздел её донага, потом надел заранее приготовленную белую длинную одноразовую рубашку. Возможно, это белое существо было женщиной. Во всяком случае, голос его, когда он произносил дежурные слова: «Не надо волноваться, поднимите, пожалуйста, руки, ложитесь», — был похож на женский. Впрочем, это не имело никакого значения.

Старая миссис Тэйлор послушно поднимала руки, приветствовала, чтобы было удобнее снять брюки и вообще старалась доставить как можно меньше хлопот белому существу. Всё это время она пыталась заглянуть в глаза своим девочкам, но девочки отводили взгляд, переводя его с одного нехитрого предмета мебели на другой.

Вдруг миссис Тэйлор забеспокоилась, начала оглядываться, пытаясь что-то отыскать взглядом.

— Мама, что случилось?

— Мэрион, где мой медведь? Мы не забыли его дома?

— Вот он, мама. Как мы могли забыть его? Ведь ты его так любишь.

Когда миссис Тэйлор уже лежала, накрытая простынёй, и была совсем готова к предстоящему, белая фигура ловко вколола иглу в вену на тонкой сморщенной руке и обратилась к стоящим рядом с кроватью дочерям:

— Сейчас мы сделаем вашей маме укол снотворного, и она уснёт. Предлагаю вам с ней попрощаться.

Сестры по очереди подошли к кровати.

Первой подошла младшая, Дженифер.

— Прощай, мама! Ты была хорошей матерью. Ты прожила хорошую жизнь. Мы будем помнить тебя.

Потом наступила очередь Мэрион. Она склонилась к матери, и тут старая миссис Тэйлор прошептала ей в ухо:

— Спаси меня, Мэрион! Прогони их, заведи меня отсюда. Я не хочу умирать. Мне бы ещё пожить, ну хоть немножко. Но только не здесь.

Шёпот был совсем тихим, почти беззвучным. Никто, кроме Мэрион, не услышал ни слова. Но и она как будто не слышала. Отшатнулась, потом опять наклонилась и поцеловала пергаментную щёку.

— Прости, мама. И знаешь что? Мы с Дженифер приготовили тебе сюрприз. Мы хотим спеть тебе твою любимую песенку.

Сестры чуть вздрогнули и, взявшись за руки, внезапно запели.

*Twinkle, twinkle little star,
How I wonder what you are!
Up above the world so high,
Like a diamond in the sky!*

Это была детская песенка, которую мамы многих поколений пели своим детям: «Маленькая звёздочка на небе, как бы я хотел знать, кто ты, летящая высоко, как бриллиант в небе». Молодая миссис Тэйлор тоже пела ее своим маленьким дочкам. А теперь дочери пели её своей маме. В последние минуты её жизни на Земле.

Они пели своими не приспособленными для пения голосами, седоватые волосы разметались по плечам, на лбах их выступила испарина, а в голубоватых глазах над масками застыли страх и растерянность.

Между тем, фигура в белом набрала в шприц жидкость из флакона, перетянула резиновым жгутом руку чуть выше локтя миссис Тэйлор и вколола иглу в вену старой женщины. Все движения существа в белом были точны до автоматизма.

Сестры продолжали петь.

Прошла минута или две. Миссис Тэйлор уснула.

Одно из белых существ сказало:

— Мы просим вас выйти из комнаты и подождать в коридоре. Мы пригласим вас, когда всё закончится.

Сестры послушно вышли и некоторое время молча стояли в белом коридоре среди уходящих в бесконечность закрытых белых дверей. В доме стояла тишина. Однажды мимо них прошло белое существо, точно такое же, как те, что остались в комнате с матерью. Оно толкало тележку, на которой в одноразовых картонных тарелках стояла какая-то еда, накрытая плёнкой. Сестры проводили его взглядом, пока оно не скрылось за поворотом.

Мэрион сказала:

— Как ты думаешь, это не больно? Я слышала, что бывают ужасные случаи. Иногда они умирают по несколько часов. Иногда даже кричат.

— Успокойся, пожалуйста, дорогая. Нам же сказали, что работают очень хорошие специалисты. В конце концов, они получают зарплату, чтобы все прошло гладко и достойно.

Сколько прошло времени, они не знали, но наконец дверь открылась и их пригласили войти.

Миссис Тэйлор больше не было. На кровати был холмик, накрытый белой простыней. Холмик был таким небольшим, что кровать казалась пустой. В самом центре на белой простыне лежал маленький красный медведь.

Это красное на белом поразило Мэрион — как будто из груди вынули сердце и оно живет самостоятельной жизнью, единственно живое в мертвой белой комнате.

Всё было кончено.

Белые существа сказали:

— Ваша мама скончалась. Мы сожалеем. Примите наши соболезнования.

Дженифер поморщилась, Мэрион хлопнула носом и смахнула слезу.

Дженифер сказала:

— Спасибо вам.

Существа ответили:

— Пожалуйста. Это наша работа. Вы можете идти сейчас. Сегодня вам позвонят, и вы договоритесь о дальнейших действиях.

Когда сестры были уже в дверях, их окликнули:

— Вы хотите взять этого красного медведя?

— Нет, ни за что! — сказала Дженифер.

А Мэрион протянула руку, куда белая рука в перчатке вложила ей мягкую плюшевую игрушку.

— Возьму. На память о маме.

Сестры вышли на улицу. Из низкого серого неба шёл мелкий холодный дождь. Наверное, первый в этом году. Мэрион предложила поехать к ней, но Дженифер отказалась:

— Поеду домой. Ричард там один. Ты же знаешь, как он не любит, когда я его оставляю. Он такой беспомощный, сам даже не поест. Пойду его кормить. Пока. Не расстраивайся. Мы все сделали правильно. Она же сама так хотела. Прожила длинную жизнь. Ушла достойно. Ну что ты плачешь, Мэрион? Ты всегда была ужасно чувствительной. Что ты делаешь из нас чудовищ? Мы не чудовища, мы нормальные люди. Как все. Давай соберись и не разыгрывай драму. Поехала. Увидимся.

Дома Мэрион обнаружила, что промочила ноги. Кроссовки прохудились. Надо покупать новые. Заварила себе чаю, сделала бутерброд с колбасой. Согрелась и вроде успокоилась. Включила телевизор и немного посмотрела бесконечный сериал. День, такой длинный, наконец закончился.

Проходя мимо спальни, где мать провела свою последнюю ночь, она отвернулась, чтобы не видеть кровать со скомканным одеялом, ещё помнившим прикосновение её тела.

Засыпая, Мэрион некстати вспомнила, как однажды в детстве разбила коленку, а мама мазала её йодом, а йод щипал, и мама на коленку дула и что-то ласково шептала, а потом взяла её, большую уже, на руки и ходила с ней по комнате, качая её, как младенца. Вспомнила, какое счастье и покой она тогда почувствовала и как обнимала шею матери и шептала в ухо: «Мама, не умирай никогда! Обещай мне никогда не умирать!» И от этого горячего шепота мягкие русые волосы вокруг уха колебались, как от ветра.

Уснула быстро, словно провалилась. Она всегда умела быстро засыпать и спала крепко, без снов. Но в эту ночь ей приснился сон, будто идёт она по серой, как пепел, земле, совершенно ровной, как стол, и абсолютно пустой, и только вдаль, на горизонте, стоит чёрное дерево с раскинутыми голыми ветвями. Она все идёт и идёт по серой пустыне, а дерево не приближается, и она знает, что ей непременно надо дойти до него, а сил все меньше, а дерево всё так же далеко. На руках у неё сидит маленький красный медведь, который становится все тяжелее, и вот уже тяжесть невыносима, и она хочет бросить его, но почему-то не может это сделать. И вдруг медведь начинает петь ту самую песенку про звёздочку, и голос его знаком, но она никак не может вспомнить, где она этот голос слышала. И вдруг вспоминает, что это голос матери, когда она ещё была молодой, а сама Мэрион была толстенькой девочкой с двумя косичками. И голос становится всё громче, а медведь всё тяжелее, и Мэрион понимает, что она в аду. А воздух вокруг становится все плотнее и превращается в серый густой туман. А она все идёт с невыносимой ношей и слушает песенку про звёздочку, и голова её разрывается от этого голоса, и прекратить эту пытку невозможно.

Мэрион проснулась с сердцем, бьющимся о рёбра, задолго до наступления утра. И услышала звенящую тишину, которая никогда не наступала в большом городе.

Лежала и смотрела в окно. Искала в небе звезду, которая обычно висела в высоком небе как раз напротив её кровати. Но в этот раз звезды не было. Не было и огней в окнах дома напротив. Ни одного. И самого дома как будто не было. И даже ночной тьмы не было. Был темно-серый туман, который поглотил и небо, и дорогу с машинами, и дом, и звезду.

Не было звуков, не было света, не было цвета. Ничего не было. Только красный медведь сидел там, куда она его посадила — на стуле напротив кровати — и смотрел на неё чёрными пуговицами глаз. Ей показалось, что он улыбается.

Мэрион подумала, что, наверное, это ад, который пришёл за ней из сна.

Потом отогнала глупую мысль, выпила воды из заранее поставленной возле кровати кружки и завернулась в тёплое одеяло. Через какое-то время уснула, посапывая.

Завтра будет новый день. А потом ещё сколько-то дней, похожих друг на друга, как близнецы. Мы не чудовища. Мы как все. Жизнь будет продолжаться. Жизнь...

А потом она кончится. Но зачем об этом думать заранее?

Пока всё хорошо.

Smile, Marion, smile! Life is beautiful!¹

¹ Улыбайся, Марион, улыбайся! Жизнь прекрасна! (англ.)

В это же время на другом конце города не спала десятилетняя Шейла, правнучка покойной миссис Тэйлор. Та самая, которая когда-то подарила своей прабабушке красного плюшевого медведя.

Она уже знала, что прабабушки больше нет, и мысль об этом внезапно разбудила её. Из разговора родителей она поняла, что прабабушке помогли уйти. Ей было немного жаль, что она больше не увидит родного лица, покрытого сеточкой морщин, не расскажет ей, как победила в школьных соревнованиях по бегу и не услышит её тихого: «That's my girl!»¹

Но, с другой стороны, она поняла из разговоров родителей, что прабабушка сама захотела уйти и для семьи это большое облегчение.

В школе она уже слышала, что больным и старым людям иногда помогают умереть.

Учительница сказала, что старые не должны мешать молодым. Ведь в жизни так много радостей и удовольствий, что неправильно тратить её, ухаживая за старыми и больными. Ещё она говорила, что приходит время, когда на земле будут жить только молодые и здоровые, и все будут счастливы, а старых и несчастных не будет вовсе.

Наступает Дивный Новый Мир, и все, кто не может или не хочет быть счастливым, должны будут просто уйти.

Шейла завернулась в одеяло и улеглась на правый бок, полежала немного и поняла, что спать совсем не хочется. Тогда она взяла с тумбочки возле кровати свой любимый планшет и открыла игру, которую никак не могла закончить. По зелёному яркому полю бежал маленький нелепый лысый человечек, и надо было кидать в него разными предметами, чтобы сбить с ног. Человечек был очень вёрткий и умело уворачивался. Иногда Шейле удавалось в него попасть, но он каждый раз вставал и бежал дальше. Смысл игры был в том, чтобы бросить камень или яблоко очень метко, и тогда человечек уже не встанет. В этот раз девочке повезло. Она отправила большой камень прямо в смешную лысину, и человечек упал и больше не встал. Она, наконец, выиграла.

На экране планшета появился клоун с раскрашенным лицом и нарисованной улыбкой и под бодрую музыку сказал: «Ты выиграла! Поздравляю! Переходи на следующий уровень!» И показал большой палец.

Сама себе сказав: «Ией, молодец!» — она отключила планшет и, уютно свернувшись калачиком, крепко уснула.

За мгновение до сна она, как всегда, вспомнила слова своей любимой песенки про звёздочку. Она верила в свою счастливую звезду. Никто и ничто не помешает ей быть счастливой в Дивном Новом Мире. Теперь она это твёрдо знала.

Не зря же учительница в школе говорила им: «Everything is going to be just great in this Brave New World».²

---

¹ «Это моя девочка!» (англ.)

² «Все будет просто замечательно в этом дивном новом мире» (англ.).